

О категориальной неопределенности термина "фикция" в праве

Научный руководитель – Кузнецов Александр Павлович

Абдулханьянов Ильяс Абдуллаевич

Аспирант

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Нижегородская область, Россия
E-mail: abdulxann@gmail.com

Познание правовой реальности, ее явлений, институтов, нормативных актов необходимо начинать с уяснения значения терминов и понятий, составляющих ее содержание. Язык права, науки вообще, существует в рамках сложной знаковой системы, обладающей множеством различных качеств. Одной из его эволюционных особенностей является полисемичность слов. В современной лингвистике полисемия слова означает то, что оно может употребляться в разных значениях [4].

Вышеуказанное свойство языка позволяет сделать вывод о том, что одни и те же термины, внедряемые в науку и практику, из-за расплывчатости границ между значениями и оттенками базовых слов могут иметь разное содержание.

«Фикция» является одной из таких многозначных категорий. Она происходит от латинского «fictio», что означает «выдумка, вымысел». Сегодня данное понятие употребляется во многих сферах человеческого знания: в философии, литературе, математике, психологии, лингвистике, праве.

Латинское происхождение изучаемого слова указывает на использование его еще в Древнем Риме, и не зря, поскольку оно было широко распространено в юриспруденции. Парадоксально, но именно в праве возникает наибольшее количество затруднений в определении содержания «фикции».

Сегодня, по мнению М.П. Прониной в современной юридической доктрине сформировались существенные подходы к пониманию фикции как: 1. приема (способа, метода) юридической техники; 2. «антипода закона»; 3. особого рода правовой нормы; 4. юридического факта; 5. правового предположения; 6. специфической нормы-санкции [3].

Рассмотрение фикции в сфере юридической техники также вызывает затруднения в понятийном формулировании (разные исследователи называют ее, то средством, то приемом, то методом, то способом).

На наш взгляд, одним из факторов категориальной неопределенности, является то, что авторы при конструировании своих авторских дефиниций отталкиваются от разных базовых «смыслов» этого слова. По мнению М.Л. Давыдовой в современной теории права юридические фикции следует рассматривать в качестве общего понятия фикции» [5]. Под «общим понятием» М.Л. Давыдова, судя по всему имеет ввиду то, которое дается в филологических источниках. Однако, набор формулировок, используемых при описании «общего понятия» фикции, у авторов словарей разнится. Конструирование понятия «юридическая фикция» от производного филологического, несмотря на, казалось бы, их тождественную сущность, оказывается не всегда удачным. Не вдаваясь в семантические особенности соотношения слов «выдумка», «вымысел», «положение, не соответствующее действительности», «не существующее», «мнимое», «ложное», «плод воображения», «морочка», хотелось бы обратить внимание на элемент «сознательности» («специальности») использования этих положений в конкретных целях, когда вымысел очевиден и адресанту и адресату. Наличие или отсутствие этого свойства определяет природу употребляемого термина.

При понимании юридической фикции как «антипод закона», (когда принимаемые нормы не коррелируют с существующими общественными отношениями), сознательность употребления исключается, поскольку ее появление связано с ошибкой, недоработкой законодателя.

При определении изучаемой категории как прием (средство) юридической техники, признак специальности ее применения в известных целях, на наш взгляд, обязателен, поскольку в данном случае она умышленно используется при создании правовых норм.

Включение этой черты в содержание значения как раз таки и позволяет отграничить фикцию как прием (средство) юридической техники от иных ее специально-юридических толкований, а также от лжи, обмана, иллюзии, вымысла и является тем свойством, которое определяет ее природу в рассматриваемой области.

Фикция и обман (ложь) понятия несовместимые. О фикции можно говорить лишь тогда, когда вымысел допускается всеми и когда никто на этот счет не обманывается [2]. Продолжал эту мысль и В.К. Бабаев, который считал, что очевидная ложь фикции относится лишь к ее внешней форме, не проникая в содержание [1].

Таким образом, следует не согласиться с указанным мнением М.Л. Давыдовой о том, что юридические фикции следует рассматривать в качестве общего понятия фикции. Как показало изучение соответствующих источников, само филологическое содержание этого слова как минимум по одному основополагающему признаку отличается у разных авторов.

Содержание специально-юридического термина должно отражать его сущностную особенность, обусловленную сферой применения и не дублировать, слепо проецировать его значения из других областей знания.

Источники и литература

- 1) Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. С. 14.
- 2) Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикции. Казань, 1895. С. 30.
- 3) Пронина М.П. Правовые фикции как средство юридической техники в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 182-184.
- 4) Розенталь Д. Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи. Издание 7. М.: Айрис пресс, 2007. С. 172.
- 5) Юридическая техника : учебник / под ред. В.М. Баранова. – Москва : Проспект, 2021. С. 321.